

ПИСЬМА ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА ИЗ ПЯТИГОРСКА

Валерий Яковлевич Брюсов — один из пионеров молодой советской литературы — прошел тернистый и противоречивый путь от признанного метра российских символистов до активного строителя новой социалистической культуры.

Различные этапы этого сложного, но неизменно поступательного пути поэта к служению народу и вступлению в большевистскую партию нашли отражение не только в общественной деятельности, но и в творчестве и в личной переписке автора знаменитого «Каменщика».

Письма из Пятигорска относятся к лету 1896 года, то есть к тому периоду жизни Брюсова, когда он, находясь в плену идеалистических философских теорий, намеренно рядился в хламиду сверхчеловека и загонял свое представление о жизни в прокрустово ложе декадентства. Это декадентское мироощущение нашло прямое выражение не только в целом ряде стихотворений, созданных Брюсовым за два с половиной месяца пребывания на Кавминводах, но и в суждениях по вопросам взаимоотношения искусства с действительностью, которые он высказывает в эти дни в переписке с друзьями. Часть этой обширной переписки составляют письма Брюсова Курсинскому, которые и предлагаются вниманию читателей «Ставрополья».

В письмах Курсинскому довольно широко раскрывается творческая история сборника «*Me eum esse*», работу над которым Брюсов завершил в Пятигорске. Об интенсивности этой работы говорит, например, тот факт, что только за первые две недели пребывания на курорте (с 15 по 29 июня) Брюсов написал для этой книги более тридцати стихотворений.

Сборник «*Me eum esse*» принято считать самым формалистическим и кризисным творением молодого Брюсова. Однако признание, сделанное Брюсовым в письме от 3 августа о том, что книга «*Me eum esse*» получилась в результате «ощущений и размышлений» кавказского периода жизни, дает основание утверждать, что «*Me eum esse*» не только плод

холодного версификаторства, но и, вместе с тем, живая очень субъективная книга, за каждым стихом которой стоит сам поэт, пережитое им и трансформировавшееся в своеобразных поэтических образах. Это подтверждается и тем, что большинство стихотворений сборника имеет конкретных адресатов.

В письмах Курсинскому молодой Брюсов раскрывается не только как человек, горячо влюбленный в литературу, как эгоцентрист и романтик в одно и то же время, но и как острый и трезвый наблюдатель жизни. В этом случае Брюсов — едкий критик пошлости буржуазного бытия, невежества и бескультурья, в какие бы одежды они ни рядились. В его реалистических зарисовках жизни и нравов «водяного общества» очень рельефно вырисовывается духовное убожество тогдашней курортной публики, ее безразличие к историческим и культурным памятникам, пренебрежительное отношение администрации курорта к нуждам действительно больных людей и т. д.

Корреспондент Брюсова — Александр Антонович Курейнский (1873—1919) — был товарищем поэта по Московскому университету. Лето 1896 года провел в качестве репетитора в доме Льва Толстого в Ясной Поляне, куда и адресовал свои письма Брюсов. В историю русской литературы Курейнский вошел как второстепенный декадентский поэт — сотрудник журнала «Золотое руно», субсидировавшегося миллионером Рябушинским.

Письма Брюсова Курсинскому публикуются впервые. Подлинники хранятся в Центральном Государственном архиве литературы и искусства СССР, фонд 1223, единица хранения 3, листы дела 31-46.

ВЛ. ДРОНОВ.

1. Valerius dixit ave 29
июня 1896 г., Пятигорск.

Я прошу у тебя, дорогой мой Александр Антонович, тысячу извинений,

но... заехать к тебе по дороге мне было невозможно, совершенно невозможно.

Затем прошу позволение писать письмо длинное: на чужбине я узнал, как сладостно получать письма, и сам стал разговорчивее в посланиях. Не помню точно, но думаю, что в прошлом письме я описал тебе мое плавание по Черному морю и все мои романтические приключения; теперь перехожу к здешней жизни.

Ты был прав, сказав, что я попираю ногой землю священную! еще бы! все время у меня перед глазами холм, который называется Машук, а на горизонте пригорок, который называется Бештау,— «Бештау пирамидальный». Затем есть у нас беседка «Эоловой арфы», где никакой Эоловой арфы не имеется, есть пещера Дианы, грязная каморка с надписью, что в таком-то году два итальянские путешественника взобрались на Килиманджаро (?), и есть «грот Лермонтова», сей последний загорожен решеткой, как клетка в зверинце, но сквозь прутья можно прочесть «стихотворение», высеченное на мраморной, поставленной там доске. Стихотворение озаглавлено «Поэту М. Ю. Лермонтову» и подписано «Мраморную доску поставил и стихи сочинил помещик Тульской губернии (такой-то)». Вот цитата:

...И ты (Лермонтов) тогда с звезды
восточной

Сорвешь венец ея златой,
Возьмешь с цветов росы полночной
Ее (его?) усыплешь той росой,

Лучом румяного заката
Свой (???) стан как лентой обовьешь,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напоишь (!)etc.

Над гротом приделана жестяная
вывеска с надписью: «Грот Мих. Ю.
Лермонтова».

Впрочем, эти места посещаются мало. Публика бродит по Среднему цветнику, где весь день бренчит оркестр; в особенно торжественных случаях путешествует к «Провалу». Эта страна заслуживает описания.

Приехал в Пятигорск лечиться один
московский купец и требовал все

позволения купаться не в ваннах, а прямо в источниках; ему, конечно, не позволили. Сердитый, бродил он однажды по Машуку и вдруг увидел глубокую трещину; бросил камень — плеснулась вода. Тотчас призвал он своих приближенных и велел спустить себя в эту расщелину на веревках, там нашел подземное озеро, в котором и начал купаться. Так купался он все лето и выздоровел. Тогда на радостях приказал он пробить к озеру тоннель. И пробрили. Любопытным подземным ходом сажен в 10 длины попадает как бы на дно гигантской бутылки. Свет падает сверху, с высоты 20 саженей, и причудливо освещает изломы стен. У ног безжизненно лежит серное озеро, подернутое блестящим налетом и издающее одуряющий запах. В этом озере сначала многие купались, но потом это было воспрещено; озеро глубины неизмеримой; лот в 100 саженей не достает дна; кроме того, в некоторых местах есть подводные коридоры, уходящие бог весть куда; наконец, если вообще температура воды в озере не ниже 20°—R, то там, где бьют ключи, она гораздо выше и, злополучный, попавший туда, рискует обвариться, или свариться совершенно.

Причем надо сознаться, ездят у нас к Провалу вовсе не затем, чтобы любоваться на озеро. Около тоннеля есть более сильный магнит — ресторан под вывеской «Буфет: кафе-провал». Сюда ведет офицер (оных здесь неисчислимое множество) неосторожную дамочку, поит ее здешним кахетинским (пойло «отвратное»), и потом ее, раскисшую, укрывает под сень каких-нибудь здешних номеров, им же имя легион. Там заканчивается Провал.

Однако есть у нас и более благородные развлечения — есть опера, выпускающая афиши такого рода:

Аида, Аида Аида
Дебют молодой (?) артистки.

(?) — принадлежит, конечно, мне. Есть затем цирк европейца Р. Сур (так и пишется в его «экстренных объявлениях»). Есть здесь театр, возвещающий: «Дон-Карлос». Совершенно невероятное представление по новой программе с участием известной шансонетной певицы Клары такой-то.

Да, много у нас есть и

благородных развлечений.

Характеристика Пятигорска была бы уж слишком неполна, если бы я не упомянул о Сабанеевских ваннах. Ванны эти особенно сильные и прописываются самым отчаянным больным, например, разбитым параличом. Для удобства этих больных вода Сабанеевского источника не проведена в трубах в Пятигорск, а утилизируется на месте, т. е. на самом хребте Теплой Горы, куда ведет от Пятигорска крутая дорожка версты в три длиною. Почему-то в Сабанеевских ваннах никто не купается, но надо отдать справедливость — служащие при них не бездействуют. За неимением пациентов человеческого рода, они купают в своей воде раков. Вода столь насыщена серой, что раки за три часа покрываются как бы корой и делаются как каменные (полагаю, что они и умирают кстати). Этих раков потом служащие продают посетителям, а те везут их на родину в подарок друзьям и знакомым. Дорогой мой! Я привезу Тебе рака!

Но пора сказать и (о) самом себе. Живу я мирно, читаю, что могу найти в здешней библиотеке и пишу без конца, особенно стихотворения. У меня есть уже около 30 стихотворений, которые могут войти в *Me eum esse*. По форме они блистают новшествами; так, в некоторых мужские рифмы рифмуются с женскими (ты скажешь, это невозможно. Я сам так думал, пока не написал). В других рифмуются не концы слов, а третьи слоги от конца; в третьих, вместо рифмы ассонансы; размера общепринятого нет нигде — и т. д. и т. д. Что касается содержания, то — каково бы оно ни было — стихотворения эти настолько непохожи на *Chefs d'oeuvre*, что я сам готов назвать их произведениями другого автора. Нечто совершенно, совершенно иное.

Теперь о Истории Р(усской) Л(итературы) — задача, которую я себе задал, все разрастается; когда кончу я - не говорю первый том, но — введение, и вообразить не могу. Попутно выплывают новые и новые вопросы. Думал ли ты когда-нибудь, почему современному поэту легче овладеть техникой стиха, чем напр(имер), поэту времен Державина? Ты скажешь, что теперь язык более обработан и есть много образцов. Так, но что это значит, в чем

сущность этих общеизвестных слов. Почему Державин не умел сказать изящнее, чем

Скользим мы смерти на краю

разве в его время не было известно, что родит(ельный) пад(еж) ставится за тем словом, к которому относится? А ведь в наши дни такую перестановку допускает только г. Величко. Неужели же весь недостаток Держ(авина) в том, что он меньше работал над формой, чем, напр(имер), Ап. Коринфский? Конечно, нет! А ведь это лишь один из вопросов.

Ты пишешь, что вполне выработал план своего романа. Увы! увy! Сколько раз выработывал я планы своих. Еще не задолго до отъезда разработал я план исторического романа Октавия с такими подробностями, что мог рассказать Лангам последовательно каждую главу... и между тем ни этого романа я не написал, ни другого не напишу, — долго, быть может никогда. И вот почему: у меня нет формы. Я не могу писать так, как писал Тургенев, Мопассан, Толстой. Я считаю нашу форму романа рядом условностей, рядом разнообразных трафаретов. Мне смешно водить за ниточки своих марионеток, заставлять их делать различные движения, чтобы только читатели вывели из этого: а значит, у него (у героя) вот какой характер.

«Владимир закрыл лицо руками...

Но вдруг, быстро отняв руки, он сверкающим взглядом посмотрел на Лидию, застывшую в ожидании, рассмеялся нервным смехом и вышел из комнаты...»

Нет, таких вещей, где каждое слово ложь, а каждое выражение трафарет, — я писать не могу. Подождем, пока создастся новая форма.

Затем Ты написал поэму... Это я еще менее понимаю. В романе хоть есть возможность обновления, поэмы же все безнадежно шаблонны, если только это не поэма в стиле Эдг(ара) По или «Мертвых Кораблей». Тогда она может быть прекрасной, но я бы не назвал ее «поэмой». То совершенно новый род, — а «поэма» —

это Байрон, это Мюссэ...

Ах, кстати! я прочел здесь Мюссэ. Ну что же за варвар наш Облеухов. Если у тебя есть возможность, сравни «Ночи» с подлинником, особенно декабрьскую. Согласен, что поэзия Мюссэ — наполовину риторика, на четверть остроловие и на 9/80 жалкая проза,— но у Облеухова пропала и 1/80 поэзии и вся красота риторики все блестящие mots, которыми так любят щеголять французские поэты.

Однако передо мной последняя страница. Если это возможно, пришли мне, пожалуйста, отрывок из Твоей поэмы, но не из описательной части, а из той, где совершается какое-нибудь действие. Меня очень интересует.

Затем буду писать к Тебе всякий раз, как буду в расположении, не дожидаясь непременно Твоего письма; надеюсь, то же будешь делать и Ты. Сообщи мне затем, что знаешь о общих знакомых — Фриче, Бальмонте (не знаешь ли его адреса?)...— больше никого нет?!

Что касается нашей встречи в Ясной Поляне, то я не надеюсь, что она состоится. Весьма вероятно, что я поеду домой через Баку, по Каспию, по Волге и на Нижний. Но все это будет осенью, когда и до московской встречи будет недалеко.

Твой Valerius dixit vale.

Адрес: Пятигорск, Теплосерная ул., д. Савельева.

2.

1 июля 1896.

О, посмотри поскорее, мой поэт, на этот позор, который называется памятником поэту Лермонтову. В прошлом письме я забыл упомянуть о нем, но сей монумент достоин описания.

Фигура сидит на одной половине своей задницы (грубое слово прости; виноват не я, а скульптор), другая нога бессильно свисает вниз и еле упирается кончиком каблука в угол пьедестала. Подбородок поддерживается кулаком правой руки, но локоть этой руки не опирается ни на что, висит в воздухе; левая рука судорожно уцепилась за бумажник.

Бедный Лермонтов! в какой неудобнейшей позе выставлен на показ нашей публике!*

Что касается выражения лица — оно таково: скулы выдвинуты, зубы сдавлены, глаза выкатились и смотрят на облака. Голова, конечно, ничем не покрыта, но на тело надет греческий хитон, а поверх мантия, взятая на прокат со статуи Барклай де Толли в Петербурге.

---

* Разговор, подслушанный в публике (два примера).

— Чем же эта беседка интересна?

— Там висит (?) Эолова арфа.

— Чья арфа?

2-го июля.

Письма кончить не пришлось, но зато могу рассказать еще об одной достопримечательности Пятигорска. Это — показываемый фонограф. Я уже не говорю о том, что он шипит и хрипит: так и должно быть в порядке вещей, но интересен текст его декламаций. Голос провинциального актера и такой текст:

...И кровь его течет. Последние мгновенья,

Мелькают. Близок час смерти. Вот луч

воображенья...

Как тебе нравится этот шестистопный ямб? он не хуже того, который я сыскал вчера в «Сочинениях Голенищева-Кутузова».

Наверно счастье бы осенило нас (т. II, стр. 91).

Знаешь, между прочим, причину помешательства Батюшкова (ты им занимался когда-то (?)) — зависть к Пушкину! Это я намерен доказывать в своей Истории. Кстати, предисловие после больших трудов мною набросано. Перехожу ко второй главе, где доказываю, что тонический размер вовсе не идет русским стихам.

Может быть я напишу здесь маленькую брошюру под названием «Своим современникам». Содержание — давно

задуманное мною: критика современных поэтов, но критика, старающаяся в каждом найти что-нибудь, интересное, нужное. (Говорю о поэтах, а не о гг. Величко etc.)

Шулятиков прислал мне письмо и просит адрес Фриче — не знаешь ли его? Во Франции сегодня чествуют память Марселины Деборд Вальмор. Празднество устраивает тебе небезызвестный граф МонтеСКВУ де Фезениан. Все поэты Франции сядут в один поезд и поедут в родной город Марселины, где и произойдет чествование. Интересный поезд. Жду писем.
Твой Валерий Брюсов.

P. S. Вот маленькое стихотворение, написанное белыми стихами с чуть заметными отзвучаниями.

И, покинув людей, я ушел в тишину,
Как мечта одинок, я мечтою живу.
Позабыв обаяние бесцельных
надежд,
Я смотрю на мерцанье
сочувственных звезд.
Есть великое счастье — познав,
утаить,
Одному любоваться на грезы свои,
Безответно твердить откровений
слова
И в пустыне следить, как восходит
звезда.

1896, Пятигорск.

3.
18 июля 1896.

Адрес мой до 1
августа: Пятигорск, Теплосерная ул., д. Са-
вельева.

После — обычный
— Москва, Цв_ б. etc.

Александр Антонович! дорогой
мой, что с Тобой случилось? Жив ли Ты?
Всеякие
слухи о Тебе смолкли и я не получал ответа
вот уже на два письма. Надеюсь — если эта
записка добралась до тебя — Ты
отзовешься.

Что до меня, то кончаю свой «курс»
в Пятигорске и собираюсь

путешествовать к Казбеку, а оттуда по
Волге. Было одно время настроение
посетить Самарканд и заглянуть в
курильни гашиша, но жаль пропустить
Нижегородскую выставку. Восток еще не
уйдет.

Алла могуч! Гашиша дым
Для счастья смертных создан им.

Твой Валерий Брюсов.

4.
3 авг. 1896.

Пятигорск, Теплосерная ул., д. Савельева.

Судя по Твоему письму, Ты,
действительно, провел очень печальные
дни, друг мой. Неужели Ты хочешь,
вдобавок поступать в Ю(нкерское)
У(чилище)? Это значит обречь себя еще на
год такой же жизни. Бесконечно лучше
отбывать В(оинскую) п(овинность)
вольнопред(еляющимся), хотя и то
скверно.

Что до меня, я, наоборот, жил. Ты
покинул меня в то время, когда я ушел
снова в самообожание.

...И, покинув людей, я ушел в
тишину...

.....
....

Есть великое счастье, познав, утаить,
Одному любоваться на грезы свои,
Безответно твердить откровений
слова

И в пустыне следить, как восходит
звезда.

После этого я, как и подобает поэту
на юге,— я влюбился!

И снова дрожат оне, грезы
безсильные,
Безсильные грезы ненужной
любви (etc.)
Или

Сквозь туман таинственный
Голос слышу вновь,
Голос твой единственный,
Юная любовь!

В этой любви было конечно много
перепитий...

Летний вечер пышен,
Летний вечер снова...
Мне твой голос слышен:
«Я люблю другого»... (etc.)

Или —
Ты прочла мою книгу с улыбкой,
Бедную книгу мою...
Верь мне, я нынче считаю ошибкой
Бедную книгу мою... (etc).

Впрочем, всего не перескажешь и
стихами.

Потом я собирался уезжать в
Самарканд, и даже уехал из Пятигорска,
оставив свою комнату одному ново-
приятелю. На пути я, однако, расхворался и
вернулся. С неделю я совсем болел и по
обыкновению дошел до отчаяния и до
мыслей о самоубийстве.

...О, горько умирать, не кончив, что
хотел,

Едва найдя свой путь к восторгам
идеала...

.....
.....

Так много думано, исполнено так
мало!

Затем я еще раз воскрес и нашел
здесь юного поэта, которому посвятил
следующие знаменательные строки.

А. Браиловскому
Юноша бледный, со взором
горящим,

Ныне даю я тебе три завета —
Первый из них: не живи настоящим,
Только грядущее область поэта.
Дальше второй: не люби, не
сочувствуй!

Сам лишь себя обожай беспредельно!
Третий завет: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

(Или —)

Облака цепляются
За вершины гор;

Так слова слагаются
В смутный разговор
Горьки и томительны
Жалобы твои:
То рассказ мучительный
О былой любви.

Юноша бледный, со взором
смущенным,

Если ты примешь мои три завета,
Гордо умру я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта!

В результате всех этих ощущений и
размышлений получилась книга «Me eum
esse», рукопись которой послана в Москву
Лангу, где и хранится до моего приезда или
моего самоубийства. Впрочем, судя по
моему сегодняшнему ликующему
настроению, второе опять надо отложить.

Живу я все в Пятигорске. Уже мои
ново-приятели приняли свой курс и уехали,
уже сменился весь состав курсовых, а я все
живу и бог весть, сколько еще буду жить.
До 15-го авг(уста) проживу во всяком
случае.

Ознакомился со всякими
окрестностями, лазил на скалы и спускался
в пещеры, смотрел на водопады и
заглядывал в пропасти.

Есть что-то позорное в мощи
природы,

Немая вражда к лучам красоты:
Над миром скал проносятся годы,
Но вечен только мир мечты (etc).

Ах, друг мой, сколько стихов
написал я — даже страшно.

Как долго о прошлом я плакал,
Как страстно грядущего ждал,
И мудрости грозный оракул
«Довольно» сегодня сказал (etc).

«Оракул мудрости» — риторика, но
рифма, рифма!.. Она, впрочем, украдена у
Бенедиктова.

Светлый венец их сверкает плеядами,
Альдебораном горит.

Не знаешь ли ты, как зовут — m-me

Пустышкину. Я получил от нее письмо.
Надо ответить, а я не помню ее имени и
отчества. Анна Дмитриевна, кажется?

Я помню вечер, бледно скромный,
Цветы усталых георгин
И детский взор — он ...etc ...etc.

Слишком много стихов.

Дальний шум фонтана,
Листьев тихий шум,
Сладок миг обмана,
Миг туманных дум (etc).

Знаешь ли, что есть растения,
называющиеся, здесь их много, гелитшии:
рифма Нитше и trans — рифма Фриче.

Бедный, словно маис,
Первый луч денницы
Сквозь листву гелитшии
Озарив Кутаис
Брызнул на страницы
Заратустры Нитше
И не шепнул, ласкаясь,
Быль и небылицы
О далеком Фриче.
Так говорят на Кавказе,
а не Кутаис.

Надеюсь, ты ответишь мне «сквозь
уныние и сплин».

Твой Валерий Брюсов.

5.

18.VIII-98 г.

Пятигорск, Теплосерная, дом
Савельева.

Ты можешь ли левиафана
На уде вытянуть на брег?

Как тебе не совестно, мой друг,
хандрить по целым месяцам? Поверь словам
Метерлинка: у каждого из нас не одна, а
много причин решиться на самоубийство,
но не все же падают духом. Пиши стихи и
будь счастлив — разве это трудно?

Я пробуду в quasi — лермонтовском
Пятигорске до 1-го, а тебе куда прикажешь
адресовать письма?

Что до Бальмонта, то он, по
последним известиям,

в Одессе — «молится холодному
ветру».

Твой

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

